

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛНЫХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ИДИОЛЕКТЕ А. АХМАТОВОЙ

Еще В. В. Виноградов отмечал, что имена прилагательные играют повышенную смысло- и текстообразующую роль в ахматовском идиолекте: попадая в текст, они становятся его «смысловыми фокусами», перекликающимися на расстоянии, и выступают как «эмоционально смысловой стержень композиции, решительно изменяют значение и назначение всех словесных частей стихотворения»; в дальнейшем «...весь словесный ряд оказывается как бы заложенным на колеблющемся фундаменте одного "эпитета" и, как флюгер, повертывается по направлениям его значений» [1, 573]. Сама А. Ахматова с чуткостью относилась к изобразительно-выразительным возможностям прилагательных, полагая, что слово, которое «истаскано и неуместно» можно «спасти эпитетом» [2, II, 2, 364].

Для ахматовского идиолекта характерны прилагательные-маркеры, служащие знаками определенной ситуации, сжатой информации о предмете речи. Например, прилагательное *мартовский* вводит библейскую тему грехопадения, соблазна, который лирическая героиня преодолевает и отрицает; *низкий* (обычно о природных явлениях) употребляется автором в ситуациях, связанных с темой инобытия, перехода в другое измерение; *строгий* – часто встречается в контекстах, раскрывающих образ Петербурга. Они фиксируют расстановку кодовых слов в текстах, после прочтения и сопоставления определенного количества которых и расшифровываются знаки ситуации. Так реализуется авторская установка на читательскую память: увидев слово в новом контексте, мы должны воспринимать его в

окружении шлейфа ассоциаций, сложившегося в результате предыдущих употреблений.

Сочетания признаков слов у А. Ахматовой часто выполняют в структуре художественного целого интегрирующую роль, способствуя сближению семантически отдаленных понятий: *В неверном лунном свете / Вошла я в тихий дом* [2, 1, 118]. В «цепочку эпитетов» [3, 9] входят качественное и относительное прилагательные, различные по категориальной семантике, но близкие по своим ассоциативным представлениям. Укрепляется образная ассоциация, связанная с мотивирующим словом: луна обычно символизирует такие качества, как непостоянство, изменчивость, интуицию [см. 4, 203–204]. Благодаря коннотациям мотивирующего слова относительного прилагательного, качественное начинает «сверкать» гранями своих значений: *неверный* – это не только ‘слабый, неровный, колеблющийся’, но и ‘непостоянный, вероломный’ [БАС, VII, 731] по отношению к предвосхищаемому поступку лирического героя: *И сердцу горько верить, / Что близок, близок срок, / Что всем он станет мерить / Мой белый башмачок*. Таким образом, относительное прилагательное регрессивно распространяет свое лексическое значение на смысловую структуру качественного прилагательного, а то передает его всему последующему контексту, способствуя обнаружению одной из текстовых категорий – проспекции. Семантическая расплывчатость, двойственность, присущие ахматовским текстам, предопределяют не только буквальное, но и ассоциативное прочтение прилагательных.

А. Ахматова часто использует прием «наслоения» признаков одного предмета друг на друга. Два или три однородных или неоднородных определения относятся тогда к одному определяемому слову, причем скапливаться могут не только определения, но и сказуемые, и полупредикативные определения: *Но я другу старому не верю, / Он смешной, незрячий и убогий, / Он всю жизнь свою шагами мерил / Длинные и скучные дороги* [2, 1, 76]; *И снег летит откуда-то не сверху, / А словно подымается с земли, / Ленивый, ласковый и осторожный* [2, 1, 220]. В.В. Виноградов считал такое «скопление “эпитетов” вокруг одного субстантива» весьма существенным для ахматовского стиля и выделял несколько основных семантических типов таких сочетаний [см. 1, 581]. А. Ахматова, «повинуясь произвольной прихоти ассоциаций» [1, 572], часто ставит в ряд однородных членов неоднородные по смыслу слова, в результате чего у слов однородного ряда выявляется эстетически значимое несоответствие между семантическими и синтаксическими отношениями: *Оттого мы любим строгий, / Многоводный, темный город...* [2, 1, 207]; *Солёю молений моих / Был ты, строгий, спокойный, туманный* [2, 1, 205]. Во второй период ахматовского творчества этот прием остается в силе: *Совсем вдали висел какой-то мост. / И в*

темноте декабрьской, влажной, грязной / Предстала ты как будто во весь рост / Чудовищной, преступной, безобразной [2, II, 2, 226]. Сконцентрированные признаковые слова отражают авторские субъективные впечатления от созерцания ночной Венеции [см. 2, II, 2, 492] и направлены на усиление общего смысла ‘крайний в своем проявлении, необычайный по негативным свойствам’, что влечет за собой сглаживание собственного значения прилагательных, и возникает единое, обобщающее их значение противопоставленности эстетическим представлениям поэта. Так прямые и переносные значения адъективных слов отодвигаются на второй план за счет объединяющего их доминирующего смысла для выполнения усилительно-эмоциональной функции.

А. Ахматова иногда наделяет каждое существительное или замещающее его слово в строке прилагательным: *...И шотландская королева / Напрасно с узких ладоней / Стирала красные брызги / В душном мраке царского дома...* [2, I, 423] – пейоративные коннотации прилагательного *душный* распространяются на другие атрибутивные сочетания этого текста; *И я поверила, что есть прохладный снег / И синяя купель для тех, кто ниц и болен, / И санок маленьких такой неверный бег / Под звоны древние далеких колоколен* [2, I, 109]. Такой прием был обязательным в поэзии классицизма XVIII века [см. 5], и вследствие его нормативности многие определения были тогда схематичными, «украшающими». Но ахматовскому тексту прием «нализывания» прилагательных разных разрядов необходим для создания эпичности повествования, которая находит реализацию на всех уровнях [см. 6, 113]. Показательно в этом плане стихотворение, в шести строфах которого содержится 13 прилагательных: *Да, я любила их, те сборища ночные, – / На маленьком столе стаканы ледяные, / Над черным кофеом пахучий, тонкий пар, / Камина красного тяжёлый зимний жар, / Веселость едкую литературной шутки / И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий* [2, I, 290]. Неторопливо поэт описывает свои впечатления от посещения литературно-артистического кабаре «Бродячая собака». И только в конце появляется главная примета воспоминания: намек на отношения с тем, кому посвящено стихотворение (А. С. Лурье). Употребленные до этого строки «замедлялись» прилагательными, чтобы повысить напряжение ожидания: а что же дальше? Для придания весомости взгляду друга прилагательные *беспомощный и жуткий* употребляются постпозитивно, в атрибутивно-предикативной функции, в последней строке текста, а словоформа *жуткий* попадает в рифму. Причем оба прилагательных уже в языковой системе связаны с проявлением отрицательных коннотаций. Итак, поэт умело «сплетает эмоциональную речь в причудливой гирлянде с

эпическим, печально-сдержанным сказом...» [1, 639].

Семантическая антитеза, доведенная до абсурда, приводит к появлению оксюморонных сочетаний – логичных по структуре, но парадоксальных по содержанию: *бесславная слава* [2, I, 195]; *безмолвное слово* [2, I, 287]; *соловей безголовый* [2, I, 101]; *горькая любовь* [2, I, 205]; *Горькой было мне усадой / Счастье вместо долга...* [2, II, 1, 185] – соединением взаимоисключающих элементов создается психологически верное описание сложного эмоционального состояния. С. А. Станиславская замечает, что в ахматовском языке «по распространенности и значимости на первом месте стоят оксюмороны, смысловая сущность которых заключается в отрицательной оценке того, что в системе культурных ценностей оценивается положительно» [7, 12]. И. М. Ландсман утверждает, что оксюморонность А. Ахматова возводит в принцип [8, 89]. Л. Я. Гинзбург связывает влечение поэта к оксюморонам «с уроками психологической прозы» [9, 346]. И. А. Бродский видит в «сочетании несочетаемого» «оружие» А. Ахматовой [10, 65]. На наш взгляд,

оксюморон предпочитается А. Ахматовой потому, что он «демонстрирует как бы не замечаемую (разрядка наша. – Е. Б.), не актуализуемую отправителем речи несовместимость ... семантических компонентов» [11, 155]. Столкновение смыслов в подобных атрибутивных сочетаниях вызвано неоднозначностью и противоречивостью авторского восприятия мира.

Таким образом, раскрывая художественно-образительный потенциал имен прилагательных, А. Ахматова отдает предпочтение приему контаминации различных значений, приводящему к колеблющейся двусмысленности; приему «наслоения» прилагательных на одно слово для всестороннего выделения объекта описания или для усиления общего эмоционального впечатления от текстового содержания; «нанизыванию» адекативных слов для создания впечатления неспешного, размеренного, но именно благодаря этому напряженного повествования; употреблению оксюморонных словосочетаний. Ахматовский идиостиль специфичен не только стабильным постоянством авторского мироощущения, но и намеренным стремлением поэта казаться объективным в приписывании предмету признаков.

Литература

1. Виноградов, В. В. О поэзии Анны Ахматовой: стилистические наброски / В. В. Виноградов // А. А. Ахматова: pro et contra: антология. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. – С. 553–672.
2. Ахматова, А. Собрание сочинений: в 6 т. / Анна Ахматова; [сост., подгот. текста, коммент., ст. Н. В. Королевой]. – М.: Эллис Лак, 1998–2002.
3. Москвин, В. П. Стилистика русского языка: приемы и средства выразительной и образной речи: (общая классификация): пособие для студентов / В. П. Москвин. – Волгоград: Учитель, 2004. – Ч. 1. – 90 с.
4. Трессидер, Дж. Словарь символов; пер. с англ. С. Парько / Дж. Трессидер; пер. с англ. С. Парько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.: ил.
5. Жирмунский, В. М. К вопросу об эпитете / В. М. Жирмунский // Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. – Л., 1977. – С. 355–361.
6. Тропкина, Н. Е. Образный строй русской поэзии 1917–1921 гг.: монография / Н. Е. Тропкина. – Волгоград: Перемена, 1998. – 222 с.
7. Станиславская, С. А. Контраст как принцип организации поэтического текста: (на материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Станиславская. – Саратов, 2001. – 21 с.
8. Ландсман, И. М. Поэтический текст как структура: (на материале анализа стихотворения А. Ахматовой «Настоящую нежность не спутаешь...») / И. М. Ландсман // Научные труды. Вопросы русского и общего языкознания. – Ташкент: изд-во Ташкентского гос. ун-та, 1974. – С. 83–95.
9. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – Л.: Советский писатель, 1974. – 408 с.
10. Бродский, И. Скорбная муза / И. Бродский [пер. с англ. А. Колотова] // Юность. – 1989. – № 6. – С. 65–68.
11. Скребнев, Ю. М. Очерк теории стилистики: учеб. пособие для студентов и аспирантов филолог. спец-тей / Ю. М. Скребнев. – Горький: Изд-во ГГПИ, 1975. – 175 с.